

Три вида вонтонов и кризис стойки на руках

Город назывался Поселок Цинши.

Название самое простое, масштабы тоже скромные. Одна главная улица, три поперечные да две продольные, и на весь поселок всего одна вонтонная лавка — она примостилась у старого софорового дерева в восточной части.

Вывески у лавки не было, а на софоре висела покосившаяся деревянная доска, на которой крупными иероглифами было выведено:

«Вонтоны трех видов»

Ниже шла приписка помельче, судя по всему, добавленная позже:

«Культиваторам меча скидка двадцать процентов».

Я долго вглядывался в эту мелкую строчку.

— Почему культиваторам меча скидка?

Шэнь Цзинчжэ невозмутимо ответил:

— Потому что эту лавку открыл я.

— ...

— Место, где ты спас меня десять лет назад, — это горный утес позади той гряды. — Он указал на темнеющие вдаль в сумерках очертания пиков Секты Лазурного Облака. — Позже, когда мои раны зажили, первым делом после спуска с горы я купил лавку в этом поселке.

— Зачем?

— Не знаю. — Он сделал паузу. — Наверное, думал, что однажды ты все равно спустишься с гор. А раз спустился, должно же у тебя быть место, где можно поесть.

Он говорил об этом так просто, будто обсуждал сегодняшнюю погоду.

Я промолчал.

Сирота, чей клан был вырезан до последнего человека, чудом уцелел и стал сильнейшим культиватором меча демонического пути. И первым делом он занялся вовсе не мектью и не укреплением авторитета своей секты, а открыл лавку вонтонов в маленьком горном поселке прямо под носом у своих врагов.

И всё потому, что много лет назад какой-то мальчишка спас ему жизнь.

Тот мальчишка уже и сам забыл об этом случае.

— Пойдем, — Шэнь Цзинчжэ приподнял полог занавески. — Начинку для сегодняшних я приготовил вчера вечером.

Лавка внутри оказалась небольшой: четыре столика, на стене висит покрытый ржавчиной железный меч. Меч проржавел насквозь, клинок весь в щербинах, казалось, от любого неосторожного прикосновения он развалится на куски.

Но мое чутье подсказывало, что это оружие опаснее любого божественного артефакта во внешнем мире.

— Этот меч...

— Меч моего детства. — Шэнь Цзинчжэ не стал вдаваться в подробности и сразу ушел на кухню, откуда через мгновение вернулся с двумя дымящимися пиалами вонтонов.

Бульон чистый, как слеза, несколько капель масла. Тесто у вонтонов такое тонкое, что сквозь него просвечивала начинка, и плавали они в пиале словно маленькие белые облачка. Поверх всё было щедро присыпано изумрудными перьями зеленого лука, а аромат так и норовил забраться в нос.

Я попробовал один.

И в тот же миг решил простить Небесному Пути все те пакости, что он мне уготовил.

Начинка из трех деликатесов — невероятно, безумно вкусная.

Свиной фарш тончайшей рублеки вперемешку с мелко нарезанными креветками и шампиньонами: стоило надкусить вонтон, как сок брызгал во рту, а вкус волной прокатывался от кончика языка до самой макушки.

Я уткнулся в пиалу и ел молча, не произнося ни слова.

Шэнь Цзинчжэ сидел напротив и тоже ничего не говорил, лишь неторопливо трапезничал. Манера есть у него была изящная — совсем не похожая на поведение безжалостного мастера демонического меча, скорее он напоминал благородного юношу из знатной семьи с прекрасными манерами.

Добравшись до пятого вонтона, я вдруг вспомнил об одном вопросе.

— Шэнь Цзинчжэ.

— Мм?

— Ты говорил, что эта жизнь принадлежит мне, тогда могу ли я приказывать тебе?

Он опустил палочки и серьезно посмотрел на меня:

— Можешь.

— Что угодно?

— Что угодно.

Я немного подумал:

— Тогда можешь отменить плату за эту миску вонтонов?

Шэнь Цзинчжэ замер на три дыхания.

— ...И это всё?

— Всё.

— Я — сильнейший культиватор меча демонического пути. Во всем мире едва ли наберется и пять человек, способных принять от меня десять ударов меча. Я должен тебе жизнь. Ты можешь отправить меня убивать кого угодно, делать любые вещи. — Он сделал паузу, и в его голосе прозвучали сложные нотки. — И первое, о чем ты меня просишь, — это не брать плату за миску вонтонов?

— Пять монет — тоже деньги.

— ...

Шэнь Цзинчжэ вздохнул, взял собственную пиалу и молча отправил в рот вонтон.

— Бесплатно, — бросил он.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы уставились друг на друга во все глаза и вновь принялись усердно уплетать вонтоны.

В лавке воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком палочек о фарфор да далеким стрекотанием цикад.

В этот момент я подумал, что спуск с гор — не такая уж плохая вещь.

Никто из адептов моей секты не бежит за мной с криками: «Святой, пощади!», Небесный Путь не норовит швырнуть в меня молнией по любому поводу, есть лишь малознакомый культиватор меча да тарелка горячих вонтонов.

Благодарь.

И тут полож лавки откинул кто-то снаружи.

На пороге стояла девушка в одеждах внутреннего ученика Секты Лазурного Облака, ее грудь тяжело вздымалась, а во взгляде читалось желание разорвать меня на куски.

— Сюй... Ань!

Лю Руянь.

Вонтон, зажатый у меня на палочках, шлепнулся обратно в пиалу.

— Старшая сестра?

— Не смей звать меня старшей сестрой! — она широким шагом вошла в помещение и со всего маху ударила ладонью по столу передо мной. Пиала с вонтонами подпрыгнула на три цуня, но Шэнь Цзинчжэ ловким, неуловимым движением руки надежно зафиксировал ее на месте.

— Ты знаешь, что прислал мне Небесный Путь?! — Лю Руянь извлекла из рукава свиток золотого цвета и с грохотом швырнула его перед моим носом.

Я опустил взгляд.

В указе значилось:

«Слова Святого: „Старшая сестра, такие вещи в счет не идут“. — Резолюция Небесного Пути: идут. Исполнить процедуру „пролететь в стойке на руках и назвать дедушкой“ в течение тридцати дней. Просрочка приравнивается к нарушению договора, уровень культивации обнуляется».

Холодный пот мгновенно выступил у меня на лбу.

— Старшая сестра, выслушай меня...

— Чего тут слушать! — глаза Лю Руянь покраснели. — Я, Лю Руянь, первая красавица Секты Лазурного Облака, гордость Стадии Золотого Ядра, теперь должна летать вверх тормашками и звать кого-то дедушкой! Ты знаешь, что уже творится за пределами лавки?!

— ...Что именно?

Она вытащила из рукава еще один сверток — на сей раз не указ Небесного Пути, а ведомость ходящих в народе тотализаторов.

Там пестрел длинный ряд коэффициентов:

«Тотализатор на исполнение Лю Руянь полета в стойке на руках с названием дедушкой»

- Исполнение в течение десяти дней: один к тридцати
- Исполнение в течение двадцати дней: один к десяти
- Исполнение в течение тридцати дней: один к трем
- Злостный отказ от исполнения с обнулением культивации: один к полутора

Я заметил, что на пункт «злостный отказ» поставлена самая крупная сумма — она уже перевалила за три миллиона камней духа.

— Весь мир бессмертных принимает ставки, — голос Лю Руянь дрожал. — Три миллиона человек поставили на то, что я кину их с выплатами.

— ...

Я совершенно не представлял, как на это реагировать.

Шэнь Цзинчжэ молча подвинул свою пиалу с вонтонами чуть в сторону, явно не желая ввязываться в этот разговор.

— Сюй Ань, — Лю Руянь глубоко вздохнула, силясь вернуть голосу ровное звучание. — Теперь ты — Святой. Небесный Путь прислушивается к твоим словам. Можешь ты...

— Могу.

— Могу?

— Если скажу, что могу, Небесный Путь, должно быть, отменит это.

Я поднялся на ноги, откашлялся, задрал голову к потолку и приготовился изречь официальное слово.

И тут Лю Руянь внезапно протянула руку и зажала мне рот.

— Мм-м-м?

— погоди! — лицо у нее было мвенно-бледным. — Сперва хорошенько подумай, что сказать! Вдруг твой язык снова сплеснется? Вдруг ты ляпнешь: «Старшая сестра обязана летать в стойке на руках»?!

Я оцепенел.

В ее словах был смысл.

Мой язык после обретения статуса Святого вечно выкидывал фортели.

Я знаком попросил ее убрать руку, после чего вытащил из-за пазухи бумагу и кисть — это вошло у меня в привычку после вознесения. Важные слова сначала нужно оформлять наброском.

В лавке стояла абсолютная тишина, слышно было лишь шуршание кисти по бумаге.

Шэнь Цзинчжэ сидел рядом и неторопливо прихлебывал бульон, сохраняя вид человека,

которого всё происходящее совершенно не касается.

Лю Руянь застыла у меня за спиной, с тревогой вглядываясь в каждый выводимый иероглиф.

Написав половину, я вдруг вспомнил еще кое о чем:

— Старшая сестра, а почему ты тогда вообще бросила ту фразу про полет в стойке на руках и дедушку?

Лицо Лю Руянь мгновенно залилось краской — от бледности не осталось и следа.

— ...Не твое дело!

— Мне просто любопытно. Мое вознесение тебя никак не касалось, с чего ты была так уверена, что у меня ничего не выйдет?

— Я... — она открыла было рот, но так ничего и не произнесла.

Шэнь Цзинчжэ внезапно опустил палочки.

— Она боялась, что ты вознесешься.

— Что? — я обернулся к нему.

Взгляд Шэнь Цзинчжэ упал на лицо Лю Руянь, и он бесстрастно произнес:

— В день твоего вознесения она тоже была в толпе. Когда произносила те слова, у нее дрожали руки.

Лицо Лю Руянь покраснело до самых кончиков ушей.

— Т-ты... откуда ты знаешь?!

— Я культиватор меча, — ответил Шэнь Цзинчжэ. — Культиватор меча смотрит на людей сквозь призму духовной энергии. На словах она насмеялась над тобой, но аура ее тянулась к тебе.

— Что это значит?

— Она хотела защитить тебя.

В лавке воцарилась тишина.

Лю Руянь опустила голову, уши у нее горели огнем.

Я смотрел на нее, и множество разрозненных воспоминаний вдруг сложилось в единую картину.

В ту зиму, когда я только пришел в секту, я сильно заболел, и посреди ночи кто-то поил меня лекарством. Оно было горьким, но края пиалы пахли медом. Я думал, это Учитель, но Учитель потом отпирался.

В двенадцать лет меня задирали ученики внешнего круга, а на следующий день они все до единого явились с синяками на лицах и с тех пор обходили меня за версту. Я допытывался, кто их отделал, но они молчали как партизаны.

В пятнадцать лет я провалил прорыв и заперся в комнате на три дня, а каждое утро у моего порога появлялась миска горячей каши. Я думал, ее носят из кухни, но теперь-то я понимал: в кухне не стали бы варить кашу из красных бобов. А кашу из красных бобов любила сама Лю Руянь.

Оказывается, это была она.

Всегда она.

Я отложил кисть.

— Старшая сестра.

— ...Мм?

— Я больше не хочу называть тебя старшей сестрой.

Она подняла глаза, в ее голосе послышалась легкая паника:

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Я хочу звать тебя просто «сестрой».

— ...

— Прямо как в детстве.

Лю Руянь ошеломленно смотрела на меня.

Долгое время она молчала, потом отвернулась, а ответ прозвучал тихо, словно жужжание комара:

— Как знаешь.

Я снова взял кисть и вывел на бумаге строчку.

Короткую. Всего одну фразу.

Закончив, я поднялся, повернулся лицом к выходу и громко произнес:

— Небесный Путь, внимли!

За пределами лавки облака в ночном небе внезапно замерли. Из глубин небосвода пробилося смутное золотое сияние, словно кто-то там наверху прислушивался в этот момент.

Шэнь Цзинчжэ отложил палочки.

Лю Руянь крепко сжала края рукавов.

Глядя туда, где концентрировался золотой свет, я чеканил каждое слово:

— Я, Сюй Ань, именем Конфуцианского Мудреца объявляю: сказанное Лю Руянь про полет в стойке на руках и дедушку было лишь шуткой.

Я сделал паузу:

— Шутка не считается.

Золотое свечение в небе качнулось, будто в нерешительности.

А затем в ночном небе медленно проступила строка золотых иероглифов:

«Вердикт Святого: шутка не считается. Процедура „пролететь в стойке на руках и назвать дедушкой“ аннулируется. Указ Небесного Пути за номером ноль ноль три признается недействительным. Таков итог».

Золотые буквы трижды мигнули и растворились в ночном небе.

Сразу после этого со всех уголков мира бессмертных донеслись раскатистые вопли — это зарыдали разом те три миллиона человек, что поставили на злостный отказ.

Лю Руянь так и застыла на месте, а затем выдала звонкое: «Уа!» — и разревелась.

— Ах ты паршивец! — сквозь слезы она принялась колотить меня в плечо. — Ты хоть знаешь, сколько кошмаров я пережила за эти дни! Мне снилось, будто толпа людей окружает меня и орет: «Давай делай, давай!». Я кусок в горло взять не могла! Я даже похудела!

Я бросил взгляд на ее по-прежнему круглые щеки и решил промолчать.

— Прости, сестренка.

— ...Повтори.

— Сестра.

— Еще раз.

— ...Сестра.

Она смахнула слезы, глубоко вздохнула, задрала подбородок и вновь превратилась в ту самую до боли знакомую мне вздорную старшую сестру.

— То-то же, — она покосилась на вонтоны на столе. — Я жрать хочу. Кто за эту миску платит?

— Я, — сказал я.

— Тогда эта миска моя. — Она без всяких церемоний пододвинула мою пиалу и схватила палочки.

— Вообще-то это моя...

— Святой угощает сестру вонтонами, так и должно быть.

Шэнь Цзинчжэ неожиданно подал голос:

— За ту пиалу пять монет. Он только что обещал бесплатное угощение.

— ...Он только что говорил про свою пиалу.

— Все три бесплатно, — бросил я.

Шэнь Цзинчжэ глянул на меня.

Я ответил ему тем же взглядом.

Первый меч демонического пути и древнейший Конфуцианский Мудрец обменялись долгим взглядом.

— Добавьте еще одну, — сказал я.

— ...

Шэнь Цзинчжэ поднялся и ушел на кухню.

Лю Руянь уткнулась в пиалу, уплетая вонтоны без малейшего намека на хорошие манеры.

Глядя на это зрелище, я вдруг подумал, что изгнание из секты — не такой уж плохой исход.

По крайней мере, теперь та, кого я хочу защищать, сидит напротив, а тот, кто хочет защитить меня, находится на кухне.

За стенами лавки заливались цикады.

Ночной ветер трепал листья старой софоры, наполняя округу шуршанием.

Вдалеке остатки золотого сияния Небесного Пути окончательно рассеялись, луна ярка, звезды редки — выдалась отличная погода.

(Конец главы 3)

<http://bllate.org/book/21206/2146449>